

раз в его сравнительно большей этической убедительности, правдивости: он больше соответствовал базовым ценностям христианской цивилизации. При этом надо отметить, что сами по себе ценности не составляют ни систему морали, ни тем более «национальную идею». Их составляют способы обоснования — ответы на вопрос: «Почему это хорошо, а это плохо?», то есть почему эта практика противоречит или не противоречит базовым ценностям.

В то же время именно способы обоснования создают социальные практики и политические институты: из одной философии вырастет американская демократия, из другой советский социализм, из третьей германский фашизм, из четвертой иранский фундаментализм и т.д. Отказ от тех или иных способов обоснования может расцениваться как отказ от ценностей и попытка выработки новых ценностей.

Однако если общечеловеческих ценностей нет, тогда моральный импульс, лежащий в основе любой политической философии, тотально неубедителен. Он не является понятным посланием для оппонентов. Нет основы для диалога: есть их мораль и мораль наша, есть друзья и враги, вечная война.

Понятно, что общечеловеческие ценности не могут быть эгоистическими, они в той или иной мере всеобщие. Об этом свидетельствует социальная практика и традиционная мораль всех цивилизованных народов, в том числе и входящих в КМС.

В условиях обострения морального коллапса главным вопросом для каждого является следующий: почему я все еще продолжаю поступать морально, если не могу больше найти этому убедительного обоснования? Переход от этого вопроса к политическому действию подразумевает поиск теоретического обоснования, пригодного не только для меня, но и для остальных.

#### **4. Идеологии как борьба за моральное преимущество: капитализм, христианство, социализм**

Можно утверждать, что борьба между системами политических убеждений, политическими течениями (в целом — политическая борьба) — это борьба за моральное преимущество (или даже превосходство). Морализаторство вовсе не монополия правых, хотя так нередко кажется, скорее это вынужденный ответ правых на мощный моральный вызов слева. «Сущностное, цивилизационное различие между капитализмом и социализмом лежит не в сфере производства или пе-

перераспределения прибыли, — а в области морали и этики»<sup>1</sup>. В своей работе «Христианство и социализм» С.Н. Булгаков пишет: «Капитализм есть организованный эгоизм, который сознательно и принципиально отрицает подчиненность хозяйства высшим началам нравственности и религии; он есть служение мамоне... Никогда еще в истории не проповедовалось и не проводилось в жизни такое безбожное, беспринципное служение золотому тельцу, низкая похоть и корысть, как ныне... Если по духовной природе своей капитализм в значительной мере является идолопоклонством, то по своему общественному значению для социальной жизни он покрыт преступлениями, и история капитала есть печальная, жуткая повесть о человеческой бессердечности и себялюбии. Одним словом, мы должны, не обинуясь, сказать, что социализм прав в своей критике капитализма, и в этом смысле надо прямо и решительно признать всю правду социализма»<sup>2</sup>. Левый моральный вызов в исторической перспективе — это всегда вызов более всеобъемлющей, всечеловеческой морали, адресованный моральям более узким — корпоративным, клановым, семейным, национальным, религиозным и т.д., которые рано или поздно идут на компромисс с фактором морального коллапса, втягиваются в его засасывающую воронку. Надо отметить, что и либерализм также в определенные периоды обладал моральным преимуществом перед своим консервативно-религиозным оппонентом — когда он отождествлялся с проектом Просвещения.

Андре Жид хорошо отразил суть такого морального вызова, когда заметил, что, в сущности, коммунизм вырос из предательской деятельности христианства и что в существовании коммунизма не было бы смысла, если бы не обанкротилось христианство.

Этот вызов всегда осуществляется по принципу: «Сказано... а я говорю вам...». Просвещение, либерализм, социализм — все это парадигмы прежде всего морального вызова, моральной реформации, если не революции. Не случайно в эпохи революций говорили про «революционную мораль». Оправдание жестокости революционеров только тогда и становилось возможным, когда им приписывалось огромное моральное преимущество, моральная сила, о которой писал в своей известной статье М. Лифшиц:

«Еще более важно в теоретическом отношении определение моральной силы, которое Ленин дает в другой речи 1921 г. “Материаль-

<sup>1</sup> Молотков А.Е. Социализм и христианство. Миссия России // Православие и социализм в XXI веке. СПб.: Издательский дом «Русский остров», 2008. С. 157.

<sup>2</sup> Булгаков С.Н. Христианство и социализм // Христианский социализм. Новосибирск: Наука, 1991. С. 242.

но в отношении экономическом и военном мы безмерно слабы, а морально, — не понимая, конечно, эту мысль с точки зрения отвлеченной морали, а понимая ее, как соотношение реальных сил всех классов во всех государствах, — мы сильнее всех. Это испытано на деле, это доказывается не словами, а делами, это уже доказано раз, и, пожалуй, если известным образом повернется история, то это будет доказано и не раз»<sup>1</sup>.

Слова Маркса и Энгельса о пролетариях, не имеющих отечества, фраза «зеркала русской революции» Льва Толстого о патриотизме как «последнем прибежище негодяев» — яркие примеры такого морального вызова с целью завоевать моральное преимущество. Толстого сегодня упрекают в искажении фразы Джонсона, но это было сознательное искажение. Джонсон хотел сказать, что для негодяя не все потеряно, если он остается патриотом. Толстой усомнился в ценности самого патриотизма: хороший принцип не может стать прибежищем негодяя. Но Толстой нынче как-то забыл: его моральный вызов все еще опасен.

Вообще, борьба правых, да и просто обывателей против революционеров, претендующих на моральное превосходство, обычно заключается в «опускании» их до своего морального уровня, в соответствии с крылатым «нет героя для камердинера». Но для «камердинеров» и лакеев всех времен вообще нет человека, чье моральное превосходство над собой они бы признали, если только этого не предписывает им власть.

Итак, теории прогресса, либерализм, социализм (и лишь затем, да и то с многочисленными оговорками, традиционные ценности, воспеваемые лицами вроде П. Бьюкенена) — именно они поднимали уровень общественной морали, стабилизовавшей КМС. Все они были составляющими того, что Валлерстайн называет либеральным консенсусом.

Природа либерального консенсуса вовсе не сводима ни собственно к либерализму как идеологии, ни даже к его компромиссу с консерватизмом и социализмом. Любой консенсус возникает по поводу чего-то. В данном случае — по поводу целей, темпов и методов социальных преобразований.

Либерализм как основа консенсуса всегда был не более чем: а) методом согласования интересов, набором правил, в соответствии с которыми совершаются преобразования, и б) системой ценностей, обосновывающей эти правила. Принципиально здесь то, что система

---

<sup>1</sup> *Лифшиц М.* Нравственное значение Октябрьской революции // Собр. соч. В 3 т. М.: «Изобразительное искусство», 1988. Т. III. С. 257.

ценностей при ближайшем рассмотрении оказывается тем самым моральным минимумом КМС. Поэтому либерализм в моральном отношении недостаточен сам по себе и нуждается в моральной и идеологической коррекции, составляющей суть либерально-консервативно-социалистического консенсуса.

Косвенно это подтверждается исторически — либеральная политическая философия и вытекающая из нее этика в целом оформились значительно раньше, чем либеральный консенсус. Характерны основания, на которых они оформились уже у Локка и Гоббса: концепции естественного права, общественного договора, атомизированного индивида. Эти концепции были призваны прежде всего объяснить происхождение собственности, общества и государства. По всем этим вопросам они изначально имели глобальные претензии: формы собственности, общества, политического устройства у «отсталых» народов (например, индейцев) описывались как признаки стадии развития, предшествовавшей европейскому. У них не обнаруживалось, в частности, даже единственно достойной человека трудовой формы собственности, что оправдывало колонизацию, то есть расширение ареала КМС.

В связи с этим «восстание» миросистемного анализа против доминирующего в социальных науках деления реальности на экономику, политику и общество есть восстание против морального минимума КМС, который в настоящее время просто обнажился.

Однако сложившийся во второй половине XIX в. либеральный консенсус не исчерпывается ни либеральным моральным минимумом, ни проблематикой, навязанной либерализмом общественным наукам. Ведь нищета этого минимума и ограниченность этой проблематики давно были очевидны.

Цели, по поводу которых формируется консенсус, исторически были заданы не либерализмом, не консерватизмом и не социализмом. Они возникли в рамках того, что сейчас называют проектом Просвещения и Модерна. Но эти проекты, если рассматривать их с точки зрения породившего их духовного импульса, были моральными, антропологическими, отчасти даже религиозными, а не только экономико-политико-общественными в либеральном стиле. Прежде всего, *они были отрицанием капиталистического морального минимума и борьбой за его расширение и углубление*. Вера в постоянное совершенствование человеческого разума, человеческой природы, техники, социальных институтов — во все, что приводит к расширению человеческих возможностей (в Прогресс), — вытекала из борьбы за расширение морального минимума. Представление о том, что этот минимум должен быть расширен, складывалось под воздействием многих причин —

и не в последнюю очередь того, что от прошлого сохранялись религиозные (прежде всего христианские) представления о морали. Было с чем сравнивать!

Если КМС в целом и могла жить по законам морального минимума, то локальные сообщества — нет. Как говорил Наполеон, нельзя требовать от человека умирать за два шиллинга в день, но можно побудить его умирать за идею — родины, свободы, равенства, братства, справедливости и т.д. Поэтому и всякая буржуазная революция на уровне лозунгов никогда не являлась вполне буржуазной и не ограничивалась моральным минимумом КМС, что отнюдь не было лицемерием! Это было следствием необходимости для человека жить в человеческом обществе, не ограничиваясь только стремлением к прибыли и власти.

Поэтому наряду с либеральным моральным минимумом сложились два моральных же коррелята — консерватизм и социализм. Сколь бы различными они ни были, они сходились в одном — их моральные требования не были минималистскими. Эти требования были ближе к человеку, чем к «системе». Либерализм в силу своей способности формулировать общие правила игры стал формальной базой консенсуса, но нельзя сказать, что он безраздельно определил его моральной дух.

Потому что моральный дух либерального консенсуса сводился не просто к либеральной терпимости к чужому мнению и т.д. Он был в не меньшей степени обусловлен: а) консервативным требованием оградить для человека сферу его частной жизни с традиционной религиозной моралью и б) социалистическим требованием в перспективе вообще ликвидировать КМС с ее моральным минимумом в пользу более справедливого мироустройства с подлинно возвышенной, достойной природы человека моралью.

Наибольшую последовательность в деле реморализации капитализма обнаруживали политические воззрения, которые выступали против различных проявлений неравенства и несвободы. Так, социализм, прежде всего, вдохновляется желанием защитить возможность каждого человека жить в свободе от личного, социального и экономического гнета, для чего требуется предоставить людям определенную степень равенства.

«Полвека спустя после Октябрьской революции можно сказать, что человечество не нашло другого выхода и другой нравственной силы, которая ставила бы вопрос об оправдании человеческой жизни с такой неотразимой честностью, как трезвая, лишенная всякой позы революционная нравственность Ленина. Исполнение ее декалога может быть ниже или выше, оно иногда бывает прямой насмешкой над ее истинным смыслом, как это произошло, например, в Китае. Но без подлинной реализации нравственного примера Октябрьской револю-

ции мир никогда не найдет дорогу из современного исторического чистилища — это теперь очевидно»<sup>1</sup>.

Если не учитывать этическое неприятие неравенства и несвободы как источника человеческих страданий, то, например, невозможно из гегельянско-марксистской философии истории вывести именно моральное неприятие капитализма. Но оно всегда имело место в истории левого движения, даже если те или иные его представители резко выступали против «этического социализма» как разновидности оппортунизма. Исходный моральный импульс противников капитализма всегда оставался одним — неприятие неравенства и эксплуатации, лежащих в основе КМС. Критики, обличающие социалистов в тайном стремлении к власти, не учитывают именно этого морального импульса. (Если стремление к власти — главное, не легче ли выбрать другой путь, не связанный с опасностями противостояния властям?) С этой точки зрения оправдание капитализма трудовой этикой могло быть только временным, исторически преходящим. Реморализация капитализма была побочным продуктом и неизбежно перерастала в его ликвидацию.

В настоящее время мы столкнулись с ситуацией, когда по различным причинам моральный коллапс КМС обострился в очередной раз. Однако прежние стратегии ее реморализации с перспективой ликвидации оказались неэффективными, что и отразилось в морально-политических дискурсах.

---

<sup>1</sup> *Лифшиц М.* Нравственное значение Октябрьской революции // Собр. соч. Т. III. С. 256.